

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье исследуется динамика политических трансформаций, что вызвано современными процессами глобализации. Рассматриваются проблемы мировой политической системы в контексте современного дискурса. Определяются место и роль национального государства относительно образования современного мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, национальное государство, мировой порядок, мировая политическая система.

У статті досліджено динаміку політичних трансформацій, що викликано сучасними процесами глобалізації. Розглянуто проблеми світової політичної системи у контексті сучасного дискурсу. Визначено місце та роль національної держави щодо утворення сучасного світового устрою.

Ключові слова: глобалізація, національна держава, світовий устрій, світова політична система.

In this article we research the dynamics of political transformation caused by modern processes of globalization. We consider the problems of world political system in the context of contemporary discourse. We also identify the place and role of national state for building the modern world order.

Keywords: globalization, national state, world order, world political system.

Будущее национального государства в эпоху глобализации в настоящий момент неопределенно, что представляет не только академический, но и практический политический интерес. Глобализация как многоуровневый и противоречивый процесс создает комплекс внутренних и внешних воздействий на государство и общество – как созидательного (укрепляющего систему государственного управления), так и деструктивного (разрушающего систему государственного управления) характера. Последние вызывают тенденции от снижения стабильности национального государства вплоть до кризиса управления, когда ряд функций государственного управления выполняются не должным образом либо не могут быть выполнены вообще по объективным или субъективным причинам. Этот феномен уже получил в академической литературе название «несостоявшиеся государства» («негодные государства», rogue states) и явил собой альтернативу (а возможно, в некотором смысле, и антипод) государству традиционному [1, с. 101]. Результатом распространения проявлений нестабильности на всю систему управления становятся ситуации, когда страна развивается вопреки государству [1, с. 104], и «процессы эрозии и упадка государственных институтов» достигают тех пределов, когда «те или иные государства существуют скорее формально, чем реально, становясь просто

географическими понятиями» [1, с. 101]. Стабильность современного государства в последние годы стала исследоваться как самостоятельная научная проблема, поскольку «глобализация породила процессы, которые сами ее инициаторы, развитые страны, не могут контролировать» [2, с. 26].

Место и роль национального государства в мировой политической системе, принципы и закономерности его развития в мировом политическом процессе в эпоху глобализации являются сегодня объектом научных дискуссий в предметных полях философских, политических и экономических наук и пограничных дисциплин. Данной проблеме в последние годы посвящено значительное количество работ в ведущих отечественных и зарубежных периодических изданиях. Следует отметить содержательный анализ основных оценок мировой политической наукой будущего национального государства в условиях современной цивилизации Х. Э. Мариносяна. Он утверждает, что они, «с одной стороны, определяются политико-идеологическими предпочтениями авторов, а с другой – парадигмальными основаниями проводимых научных исследований, различия которых, соответственно, определяют и расхождения о судьбах национальных государств» [3, с. 7]. В научной литературе рассматриваются закономерности трансформации конфигурации современной мировой системы и нации-государства как основного субъекта Вестфальского порядка, способы поддержания основ порядка в поликонфессиональном и полиэтничном обществе, регионализация и глобализация мировой экономики и др. Вместе с тем, представляется актуальным исследование тенденций трансформации современных институтов власти вообще и национально-государственных в частности. Они являются соответственно объектом рассмотрения и предметом данной статьи.

Сегодня глобализация не послужила созданию глобальной целостности государств и обществ и «все попытки упорядочивания системы международных отношений на принципах равноправия порождают лишь эскалацию хаоса и насилия... Некоторые даже определяют сущность глобализации через утрату полномочий национальным государством» [3, с. 6].

В дискурсе о глобализации выделяются три «школы»: «гиперглобалисты», «скептики» и «трансформисты» [3, с. 8]. Первые базируются на неолиберальной идеологии и утверждают, что развитие всемирных институтов управления «предвещают конец национального государства. Для них государство всего лишь неэффективный менеджер... Новый мировой порядок... должны обеспечить транснациональные корпорации, которые и вытеснят со сцены современные государства» [3, с. 8]. Скептики, напротив, считают государственные институты все более надежными «творцами интернационализации экономики» [3, с. 8]. Но лишь трансформисты считают глобализацию «абсолютно новым феноменом... движущей силой изменений... экономических и социально-политических границ... адаптации государств к новому мировому порядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферу» [3, с. 9]. Согласно их теории, государство тоже трансформируется, изменяя свои полномочия путем их передачи наднациональным властным институтам [3, с. 9]. Не менее логичен продукт национально-консервативной идеологии, который утверждает вечное существование

Раздина Е. В. **ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В
МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ
ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

национального государства – ради поддержания национальной идентичности «глобальные и макрорегиональные институты – это просто инструменты государственной дипломатии» [3, с. 10].

Несомненно, основным для анализа места и роли национального государства является вопрос о суверенитете, по которому наиболее активный диалог ведут неолибералы. Гиперглобалисты (Дж. Сорос, К. Омаэ, П. Дракер) считают суверенитет «отжившей формой», которая не годится для постиндустриального общества, «в котором формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе» [3, с. 10]. При этом «конец национального государства», по К. Омаэ, следует из «глобальной системы предпочтений» потребителя, суверенитет которого и должен заменить суверенитет государства [3, с. 11]. Аргументы восходят к тезису об исчезновении в глобальной экономике национального хозяйства как реальности, что лишает смысла национальную экономическую политику [3, с. 12].

Необходимость национальных властно-институциональных феноменов утверждает неоконсерватор Г. Киссинджер. Так, источником нестабильности государств он считает стремление правительства включиться в глобальную экономику ценой снижения уровня жизни населения, а феномен несостоявшегося государства – порождением его неспособности сформировать нацию, что делает его объектом «„гуманитарной интервенции“ для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства». Основы суверенитета подрываются проявлениями глобализации – «безудержным стремлением к прибыли» «беспрецедентно ликвидного» глобального капитала и «национально-государственной стратификацией политической реальности» [3, с. 12].

Глобализация порождает противоречия и в аспекте создания системы порядка. Казалось бы, планетарные политические и экономические институты должны сплотить государства и общества – страны и нации – в новую целостность. Однако происходит и разрушение, и консервация, и развитие сложившейся ранее мировой иерархии, а противоречия между национальными и интернациональными властными структурами только обостряются. Финансово-информационное вторжение глобализации в сферу прерогатив национальных государств создают экономические преимущества для некоторых развитых государств за счет остальных. Реакция противодействия последних формирует так называемые ассиметричные угрозы и состояние неопределенности национального государства как основного современного института власти [3, с. 5–7].

Наиболее вероятная причина хаотизации такова: глобальная целостность государств формируется и контролируется миропорядком, который сегодня остается анархичным и дискуссионным, создавая «культурный разрыв прежней локализации развития обществ их нынешней глобализации... механизмы же наследования традиций общественного сознания непредсказуемы» [4, с. 58]. «Специфичность сегодняшней ситуации заключается в системном единении... глобальных кризиса управления и кризиса социального порядка» [4, с. 60]. «Вестфальский» мировой

порядок, который в XVII веке провозгласил нацию-государство как главный субъект власти, базирующийся на принципах территориальной суверенности, разрушается [5, с. 45], порождая «беззаконную», «относительную» либо «упорядоченную» анархию [6, с. 90] крушения однополярного мира [7, с. 32].

В этих условиях «глобализация в целом носит стихийный характер, хотя является сегодня главной тенденцией развития международных отношений. Экономическая и экологическая глобализация в XXI в. вызвала глобализацию политическую. Произошло расширение состава акторов информационного общества (международные и межправительственные организации (в том числе экономические), правительства суверенных государств, гражданское общество (в том числе СМИ), частный сектор)) и возникновение новых направлений контроля информационного сектора (международных, государственных и корпоративных – политических и административно-финансовых)» [8, с. 161]. Глобализация же «институтов политического управления вызывает деконструкцию и конкуренцию трех его уровней – наднационального, национального и субнационального. Таково проявление современной мировой анархии управления, когда и скрыто, и явно конкурентны даже сценарии глобализации» [4, с. 61].

Мировая система политических отношений конца XX – начала XXI века надолго становится разбалансированной и переходной – мировой порядок под влиянием глобальных и региональных конфликтов, вызванных структурными и функциональными предпосылками, еще не сформировался. Современные феномены интеграции и дезинтеграции свидетельствуют о наличии новых тенденций социального, экономического и политического развития практически во всех странах и регионах мира [7, с. 32]. «Становление нового мирового порядка всегда происходит с известным запаздыванием относительно тех объективных процессов, которые связаны с изменениями в конфигурации международной системы» [7, с. 32].

Между тем, контуры нового мирового порядка, как представляется, формируют наиболее влиятельные акторы развития процессов глобализации. Обусловленное ею свободное движение капитала и информации, образование политических и экономических институтов наднационального и субнационального уровня и связанные с ними проблемы управления внутри отдельно взятого государства вызывают обострение противоречий всех уровней. В условиях нечеткого разделения полномочий власть становится «безличной», но претендует на строгий контроль общества, в котором развиваются схемы сетевой «локальной самоорганизации» и от которого отчуждается суверенная личность [4, с. 61]. Общность объективных тенденций изменения общественно-политической организации на национальном и интернациональном уровнях «проявляется в дихотомии глобализация – локализация» [9, с. 3].

Однако отказом от участия в глобализации любая страна, в том числе сторонница нейтралитета либо находящаяся на стадии переходной экономики, рискует быть выброшенной на обочину социального прогресса [10, с. 23]. Сегодня «государства утратили монополию господствующих и единственных субъектов международных отношений» [5, с. 45], их полномочия переходят к наднациональным

структурам: международным политическим организациям, транснациональным корпорациям, международным общественным (культурным, религиозным и в том числе преступным) организациям, глобальным СМИ [5, с. 46]. Кроме того, государства, «боясь обмана», слишком охраняют свой суверенитет, поэтому все более значительную роль играют регионы, пользуясь некоторой самостоятельностью в международных контактах в обмен на относительное уменьшение прямой поддержки со стороны государства [5, с. 47]. Например, в ЕС усиливаются субнациональные игроки во внутренней структуре государств, интересы региональных властей распространяются за государственные границы, а формирование региональной внешней политики происходит в рамках ЕС [11, с. 21].

Евроинтеграция закрепила тенденцию размывания роли государства путем усиления субнациональных акторов во внутренней структуре государственных институтов поддержкой власти ЕС и укрепления горизонтальных связей, что служит созданию механизмов принятия совместных решений. В деятельности субнациональных субъектов выделяется три направления – «создание своих представительств в Брюсселе, развитие связей с субрегиональными организациями ЕС и создание двухсторонних связей с другими регионами ЕС» [12, с. 86]. «Создание региональных властей как следствие деволюции в национальных регионах вызвало усиление взаимного влияния вертикальных связей между территориальными уровнями „регион – государство – ЕС”» [12, с. 86].

И, наконец, специального внимания требуют два современных феномена – продукты политической, правовой, экономической и социальной трансформации национальных государственных институтов и их суверенного территориального пространства. Речь идет о вышеупомянутых нестабильных и несостоявшихся государствах. Исследование проблемы призвано выявлять, возможна ли стабильность в глобализованном мире и является ли она «благом» – не ведет ли к застою [2, с. 21]. Факторами дестабилизации становятся как внутренние, так и внешние экономические, социальные, криминогенные, террористические, этнонациональные и религиозные, идейно-политические и техногенные угрозы безопасности государства [2, с. 21–24]. «При этом стабилизирующее влияние всегда носит осознанный характер... дестабилизация является либо итогом стихийных процессов... либо целенаправленных действий государственных и негосударственных субъектов глобализованной политики и экономики... Возможны и ситуации, при которых попытки стабилизировать то или иное общество становятся контрпродуктивными» [2, с. 22]. Причем «эффект применения» стабилизирующего воздействия, проводимого государственными институтами, без учета всего комплекса условий развития угроз безопасности «окажется прямо противоположным» [2, с. 23]. Не любое государство подвержено риску дестабилизации, не все в равной мере уязвимы, например, крупные государства с развитой экономикой обладают относительно высокой степенью защиты, но «в эпоху глобализации абсолютной неуязвимости не существует» [2, с. 27–28].

Несостоявшееся государство – крайняя степень проявления нестабильности.

Стадия упадка государства – результат цикличности его развития, «старость», следующая за «зрелостью», когда «хрупкость», «слабость» «и даже провал» властных институтов делает государство несостоявшимся в политическом, правовом и экономическом отношении, и оно становится неспособным провести укрепляющие государственность реформы. Мировое сообщество терпит значительные убытки от несостоявшихся государств, связанные с нелегальной трудовой миграцией, деградацией окружающей среды, развитием «теневого» сектора экономики, подпольных криминальных организаций, нашедших пристанище на территории слабых государств даже вопреки их воле и не контролируемые в полной мере ни одним государством.

Ослабление государства в основном коснулось незападных стран, лишь немногим из которых за полвека удалось сократить отставание от лидеров мировой экономики по среднему мировому уровню ВВП на душу населения и преодолеть трудности функционирования и дезориентацию госаппарата [1, с. 101–103]. И поскольку «вероятность выбраться из числа хрупких государств очень мала... феномен слабых и вовсе несостоявшихся в политико-правовом смысле государств весьма устойчив и не исчезнет в обозримом будущем... Процессы ослабления государства имеют место и в странах ядра мировой системы» [1, с. 103]. Оно проявляется в утрате монополии на насилие (неспособности поддерживать правопорядок), слиянии власти и бизнеса (взаимное обособление власти и собственности при неизбежной порожденной экономической глобализацией экспансии капитала становится для государства непосильной задачей) и неуклонном усилении экономической и политической власти негосударственных сетей (подрыв одними государствами стабильности других путем разжигания социальной смуты) [1, с. 103–108]. К критериям силы и слабости государств относится контроль территории с точки зрения степени управляемости и соблюдения прав – в плане как международной субъектности, так и институционализации норм [1, с. 104–105].

Представляется обоснованным вывод, что безопасность общества, самая уязвимая позиция развития глобализированного мира, немислима без усиления государства, то есть атрибутов внутреннего суверенитета – монополии на насилие, законотворческой и правоохранительной деятельности и управления финансово-экономическими ресурсами. При этом речь идет о сохранении необходимых для жизнеспособности государства форм и проявлений общественных отношений и их организации, политической и неполитической, – их так называемого «институционального единства». Хотя задача укрепления современного государства «вообще не может быть решена без помощи извне» [1, с. 108], она успешно решается развитыми странами именно благодаря способности к коэволюции с мировой инфраструктурой и конъюнктурой отношений власти, что предполагает приоритет национальных интересов. Создание планетарной общности с универсальной системой ценностей и институтов обозримое будущее не сулит. Развиваются неуправляемые риски, хаотизация социального пространства и мистификация действий власти [4, с. 62], поэтому вопросы укрепления дееспособности институтов национального государства и его суверенитета остаются одной из приоритетных проблем мировой

Раздина Е. В. **ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В
МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ
ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

политики и политической науки.

Литература:

1. Красильщиков В. Актуальный предмет исследования: несостоявшиеся государства / В. Красильщиков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. – № 7. – С. 101–111.
2. Загладин Н. Проблемы стабильности современного государства: теоретические аспекты / Н. Загладин, А. Байгушкин // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. – № 8. – С. 21–31.
3. Мариносян Х. Э. Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации / Х. Э. Мариносян // *Философские науки*. – 2008. – № 8. – С. 5–24.
4. Раздина Е. В. Онтологические предпосылки актуализации в современном мире манипуляции сознанием как метода власти / Е. В. Раздина // *Гуманитарный часопис*. – 2009. – № 4 (21). – С. 57–62.
5. Ялі М. Занепад «Вестфалії», або еволюція інституту нації-держави під впливом глобалізації / М. Ялі // *Політика і час*. – 2007. – № 6. – С. 45–48.
6. Янов А. ЕС как новая модель государственности / А. Янов // *МЭМО*. – 2007. – № 7. – С. 89–94.
7. Зуб О. Стратегія національної безпеки України – шлях до посилення системи колективної безпеки в регіоні та світі: від теорії до практики / О. Зуб // *Політика і час*. – 2007. – № 5. – С. 32–37.
8. Интегровані комп'ютерні технології в машинобудуванні ІКТМ 2009: міжнародна науково-технічна конференція: тези доповідей. – Х.: НАУ ім. М. Є. Жуковського «ХАІ», 2009. – Т. 3. – 180 с.
9. Иванов Н. Глобализация и общество: проблемы управления / Н. Иванов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. – № 4. – С. 3–15.
10. Мельник Н. Трансформація концепту нейтралітету (вплив процесу глобалізації на позицію нейтральних країн наприкінці ХХ – початку ХХІ століття) / Н. Мельник // *Зовнішні справи*. – 2007. – № 8. – С. 23–25.
11. Каракчиев П. Становление европейской политики регионов Великобритании / П. Каракчиев // *МЭМО*. – 2007. – № 6. – С. 21–28.
12. Людина, культура, техніка в новому тисячолітті: ІХ Міжнародна науково-практична конференція (22-23 квітня 2008 р.): тези доповідей. – Х.: НАУ ім. М. Є. Жуковського «ХАІ», 2008. – 216 с.